

регулирования рынка эмиссионных ценных бумаг, теоретическая работа и подзаконное нормотворчество, воздействие на поведение субъектов рынка ценных бумаг путем убеждения, развитие института саморегулируемых организаций профессиональных участников фондового рынка. К мерам профилактики на общесоциальном уровне можно также отнести обеспечение доступности объективной информации о профессиональных участниках рынка ценных бумаг, а также информации о надежности профессионального участника, улучшение программ подготовки специалистов рынка ценных бумаг.

Основным субъектом, осуществляющим общесоциальные меры профилактики можно признать федеральный орган исполнительной власти по рынку ценных бумаг. Еще одним субъектом осуществления общесоциальных мер являются саморегулируемые организации профессиональных участников фондового рынка, вводящие для участников дополнительные требования к ведению деятельности и повышающие рейтинг и деловую репутацию профучастника.

Специально-криминологическое предупреждение реализуется как на государственном, так и на региональном уровне и тесно взаимосвязано с иными существующими проблемами в государстве. Так, совершенствование уголовно-правовых норм в сфере инсайдерской информации и манипулирования рынком тесно связано с проблемой коррупции. Проблема реализации и эффективного применения уже существующих уголовно-правовых норм связана с проблемой финансового обеспечения сотрудников правоохранительных органов. Решение проблем фондового рынка в РК эффективно только в комплексе с решением общесоциальных проблем на государственном уровне.

Список литературы

1. Криминология. Учебник для юридических вузов / Под ред. акад. В.Н.Кудрявцева, проф. В.Е.Эминова. — М.: Юрист, 1995. — 512 с.
2. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.И.Долговой. — М.: Юрист, 2001. — 276 с.
3. Новикова Е.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты преступлений, совершаемых на рынке эмиссионных ценных бумаг. — М., 2009. — 189 с.
4. Криминология. Учебник для вузов / Под ред. В.Д.Малкова. — М.: Юстицинформ, 2006. — 197 с.
5. Закон Республики Казахстан от 19 февраля 2007 г. № 230 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам защиты прав миноритарных инвесторов» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2007. № 4. Ст. 28 (с последующими изменениями и дополнениями).
6. Криминология. Учебник для вузов / Под ред. В.Д.Малкова. — М.: Юстицинформ, 2006. — 214 с.

УДК 343.13

А.М.Серикбаев

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ БОРЬБЫ С НЕЗАКОННЫМ ПРИМЕНЕНИЕМ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ, СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

Мақалада автор салыстырмалы-құқықтық зерттеу әдістеріне негізделе отырып, таяу және алыс шет елдердің қылмыстық заңнамалары бойынша бас бостандығынан қылмыстық-процессуалдық тәртіпте заңсыз айыру үшін жауаптылық туралы нормаларды талдап, осы әрекет үшін жауаптылық орнатудың заңнамалық тәсілдерін даралауға талпыныс жасаған.

In this clause the author, based on methods of rather-legal research, analyzes norms about the responsibility for illegal criminal-remedial deprivation of freedom by the criminal legislation of the countries of near and distant foreign countries, undertakes attempt to differentiate legislative receptions of an establishment of the criminal liability for this crime.

Сравнительное изучение уголовного права современных зарубежных стран позволяет выявить различного рода нюансы в уголовно-правовой охране тех или иных общественных отношений, обозначить специфику юридических категорий и своеобразие законодательных дефиниций, наметить

дальнейшие пути развития отечественного уголовного законодательства. Помимо этого, сравнительное изучение дает возможность лучшего познания собственного права, поскольку «специфические особенности национальной правовой системы лучше «высвечиваются» при сравнении с другими системами» [1; 24].

При сравнительном изучении уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за незаконное уголовно-процессуальное лишение свободы, мы будем выдерживать основные требования, разработанные компаративистикой: а) объекты, входящие в предмет сравнительно-правового исследования, должны быть сопоставимы, б) между некоторыми внешне сходными явлениями и процессами правовой действительности могут быть существенные различия, которые необходимо учитывать, в) в отдельных уголовно-правовых системах используются уникальные, не свойственные другим системам юридические термины, г) содержательное наполнение одинаковых терминов может существенно различаться [2; 4–5].

Ознакомление с интересующими нас положениями уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран показывает, что для обозначения мер процессуального принуждения, связанных с лишением свободы, законодателями используются различные термины, не совпадают должностные лица, принимающие решение о задержании или заключении под стражу, различаются основания для применения этих мер процессуального принуждения, существенно разнятся процедура и сроки заключения под стражу [3; 28–31, 4; 89–94, 5; 66–69]. Эти обстоятельства, конечно же, отражаются на практике установления уголовной ответственности за незаконное применение наиболее репрессивных мер процессуального принуждения и должны учитываться при сравнительном изучении соответствующих положений уголовного законодательства зарубежных стран.

Все случаи изоляции от общества участников уголовно-процессуальных отношений для достижения целей уголовного судопроизводства, вне зависимости от того, как они именуется в рамках национальных систем права, в настоящем исследовании мы будем обозначать обобщающими терминами «уголовно-процессуальное лишение свободы», «меры процессуального принуждения, связанные с лишением свободы». Аналогичная терминология широко применяется в современной уголовно-исполнительной науке. Так, К.Ж.Балтабаев принудительные меры, связанные с изоляцией человека от общества, подразделяет на две группы: меры уголовно-процессуального принуждения, связанные с изоляцией от общества, и меры уголовного принуждения, связанные с изоляцией от общества [6; 17]. В первую группу ученый включает задержание и заключение под стражу.

Сравнительное исследование возможно на трех уровнях: сравнение правовых норм (микросравнение), сравнение правовых институтов и отраслей права различных правовых семей, сравнение правовых систем в целом (макросравнение) [7; 47–53]. Целям нашего исследования соответствует первый уровень, позволяющий выявлять сходства и различия сравниваемых норм при их параллельном изложении. При этом мы будем учитывать особенности основных правовых систем современности. Специфику уголовно-правовой регламентации ответственности за незаконное уголовно-процессуальное лишение свободы целесообразно выявлять по отдельности применительно к уголовному праву стран общего (англо-саксонская правовая семья) и континентального (романо-германская правовая семья) права. Большой интерес представляют для нас нормы об ответственности за незаконное уголовно-процессуальное лишение свободы в уголовном праве стран бывшего социалистического лагеря (социалистическая правовая семья) и, в особенности, стран постсоветского пространства, с которыми у Казахстана общее историческое прошлое.

Незаконное задержание, арест и содержание под стражей рассматриваются в качестве преступных в большинстве бывших республик СССР, ставших ныне суверенными государствами [8; 152, 9; 689, 10; 517, 11; 257–258, 12; 300–301, 13; 358–359, 14; 325–326, 15; 192, 16; 182].

Наибольшим редакционным сходством со ст.346 УК Республики Казахстан характеризуются ст.301 УК Российской Федерации, ст.292 УК Азербайджанской Республики, ст.358 УК Республики Таджикистан, ст.324 УК Кыргызской Республики, которые так же, как и у нас расположены в главах о преступлениях против правосудия. Однако среди них УК Азербайджана выглядит более выигранным в части наказуемости рассматриваемых преступлений: максимальное наказание за заведомо незаконное задержание (преступление, не представляющее большой общественной опасности) не может превышать двух лет лишения свободы, заведомо незаконные заключения под стражу или содержание под стражей (менее тяжкое преступление) наказываются лишением свободы на срок от двух до четырех лет, квалифицированный вид этих преступлений (тяжкое преступление) наказывается лишением свободы от четырех до восьми лет. Такая редакция санкций различных частей одной статьи УК, между которыми исключена «вилка», на наш взгляд, позволяет уже на законодательном уровне четко

дифференцировать ответственность и наказание в зависимости от характера и степени общественной опасности конкретного вида незаконного уголовно-процессуального лишения свободы.

В УК Латвийской Республики ответственность за незаконное уголовно-процессуальное лишение свободы предусмотрена двумя статьями — заведомо незаконное заключение под стражу (ст.292), заведомо незаконные задержание и привод (ст.293).

Напротив, УК Республики Беларусь и УК Эстонской Республики не дифференцируют ответственность в зависимости от степени суровости незаконно применяемых мер процессуального принуждения. Так, ч.1 ст.397 УК Беларуси устанавливает ответственность как за заведомо незаконное задержание, так и за заведомо незаконное заключение под стражу или содержание под стражей. Между тем арест является более репрессивной мерой уголовно-процессуального принуждения, нежели задержание подозреваемого.

Уголовные кодексы Украины (ст.371), Эстонии (ст.170) и Латвии (ст.293) наряду с ответственностью за заведомо незаконное задержание, заключение под стражу и содержание под стражей устанавливают ответственность и за незаконный привод. УК Украины специфичен в части квалифицирующих признаков заведомо незаконного задержания, привода или ареста. Эти деяния, повлекшие тяжкие последствия или совершенные из корыстных побуждений или иной личной заинтересованности, влекут более суровую ответственность — лишение свободы на срок от пяти до десяти лет (ч.3 ст.371 УК Украины). Как показывает анализ практики, среди мотивов совершения рассматриваемых преступлений превалируют побуждения служебного характера. В связи с этим правильность придания отягчающего значения побуждениям личного характера вызывает сомнения.

Как правило, диспозиция уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за незаконное задержание, заключение под стражу и содержание под стражей, простая. Исключение составляет ч.1 ст.234 УК Республики Узбекистан, в которой признаки заведомо незаконного задержания изложены в описательной диспозиции: «Заведомо незаконное задержание, то есть краткосрочное ограничение свободы лица дознавателем, следователем или прокурором при отсутствии законных оснований». Избранный узбекским законодателем способ описания признаков состава снимает с повестки дня ряд спорных вопросов. Во-первых, из него явственно следует, что под действие этой нормы подпадают только случаи незаконного уголовно-процессуального задержания (а не административного задержания). Во-вторых, редакция статьи позволяет однозначно решить вопрос о специальных субъектах незаконного задержания. В то же время, как нам представляется, указание в тексте статьи на «отсутствие законных оснований» избыточно, поскольку незаконность всегда означает отсутствие законных оснований. Ст.234 УК Узбекистана не предусматривает квалифицированные виды незаконного задержания, заключения под стражу и содержания под стражей.

Уголовное законодательство всех вышерассмотренных государств в числе признаков субъективной стороны незаконного задержания, заключения под стражу и содержания под стражей называет «заведомость», которую принято трактовать как указание на форму и вид вины, — прямой умысел. Свои особенности в этом вопросе имеет УК Грузии, который указывает на умышленность действий субъекта преступления. Уголовное законодательство Грузии не устанавливает самостоятельной ответственности за незаконное содержание под стражей, вследствие чего незаконное содержание под стражей лица, в отношении которого задержание и заключение применены законно, не подпадает под действие ст.147 «Умышленное незаконное задержание или заключение под стражу».

Самая главная особенность УК Грузии в интересующем нас вопросе заключается в расположении нормы об ответственности за умышленное незаконное задержание или заключение под стражу в системе Особенной части. Ст.147 УК Грузии помещена в главу 23 «Преступления против прав и свобод человека» раздела 7 «Преступления против человека» и соседствует с нормами, устанавливающими ответственность за незаконное лишение свободы, незаконное помещение в психиатрическую больницу, захват заложника, умышленное привлечение невиновного лица к уголовной ответственности и др. Место рассматриваемой нормы в системе Особенной части УК свидетельствует, что, криминализируя незаконное задержание и заключение под стражу, грузинский законодатель в первую очередь преследует цель защитить от общественно опасных посягательств такие важные блага человека, как личная свобода и неприкосновенность.

В числе наказаний за заведомо незаконное задержание, заключение под стражу и содержание под стражей в УК стран ближнего зарубежья, как правило, указывается обязательное дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Отсутствие в санкциях статей указания на обязательное лишение виновного права

занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью не является препятствием для назначения этого дополнительного наказания и зависит от усмотрения судьи.

Уголовное законодательство восточно-европейских государств с социалистическим прошлым в правовой регламентации ответственности за преступления против правосудия по многим пунктам отличается от нашего. Под преступлениями против правосудия у них принято понимать действия частных лиц, выражающиеся в воспрепятствовании осуществлению правосудия (насилие или угроза в отношении судьи и других участников уголовного процесса, дача ложных показаний, ложный донос, сокрытие доказательств невиновности, укрывательство, несообщение о преступлении, разглашение данных предварительного расследования и др.) и исполнению судебных решений (самовольное освобождение из мест лишения свободы, содействие в побеге, нарушение судебного запрета и неисполнение судебного распоряжения и др.). По этой причине в главах о преступлениях против правосудия УК этих стран, как правило, нет специальной нормы, устанавливающей ответственность за незаконное уголовно-процессуальное лишение свободы. Данный факт, конечно же, нельзя воспринимать как свидетельство ненаказуемости этих действий. Ответственность за незаконное применение мер процессуального принуждения, связанных с лишением свободы, наступает по общим нормам о преступлениях против личной свободы и преступлениях по службе (должностных преступлениях).

Например, ст.189 УК Польши предусматривает ответственность за лишение человека свободы. При этом продолжительность срока лишения свободы учтена законодателем в качестве отягчающего обстоятельства: лишение свободы продолжительностью до семи дней наказывается лишением свободы на срок от трех месяцев до пяти лет, а лишение свободы продолжительностью более семи дней — лишением свободы на срок от одного года до десяти лет [17; 146–147, 165].

Интересный прием регламентации уголовной ответственности за незаконное уголовно-процессуальное лишение свободы наблюдается в Болгарии [18; 110–111]. Согласно ст.142а УК противозаконное лишение кого-либо свободы наказывается лишением свободы до двух лет, а эти же деяния, совершенные должностным лицом (среди которых особо выделяются лица, занимающиеся охранной деятельностью) в нарушение его служебных обязанностей или функций, — лишением свободы от одного года до шести лет. В числе отягчающих обстоятельств указаны: совершение этих действий в отношении беременной женщины; лица, не достигшего 18-летнего возраста; способом, мучительным или опасным для здоровья потерпевшего; продолжительностью более двух суток. Таким образом, УК Болгарии устанавливает специальную уголовную ответственность должностных лиц правоохранительных органов в рамках общей нормы о противозаконном лишении свободы.

Аналогично решается рассматриваемый вопрос в УК Китайской Народной Республики [19; 163–164]. Однако ст.238 УК КНР среди способов незаконного лишения свободы особо выделяет незаконное заключение под арест. Повышенную ответственность влечет незаконное заключение под арест, сопровождавшийся избиением и надругательством (ч.1), повлекший за собой серьезные травмы, причинение увечья или смерти (ч.2), совершенный сотрудниками государственных органов (ч.4). Следовательно, применительно к КНР можно смело утверждать, что уголовное законодательство этой страны в группе преступлений против демократических прав граждан предусматривает специальную норму, устанавливающую ответственность за незаконное уголовно-процессуальное лишение свободы.

Уголовное законодательство отдельных стран дальнего зарубежья не знает специальной нормы, аналогичной ст.346 УК Республики Казахстан. Сказанное прежде всего касается уголовного права стран англо-саксонской правовой семьи. Например, в Англии лица, незаконно применившие рассматриваемые меры процессуального принуждения, привлекаются к ответственности за лишение свободы, которое рассматривается как один из видов нападения [20; 214] и заключается в задержании любого гражданина без его согласия в каком-либо месте или его препровождении куда-либо. В уголовном законодательстве ряда стран континентального права также отсутствует специальная норма об ответственности за незаконное уголовно-процессуальное лишение свободы. Так, по УК Швейцарии должностные преступления против свободы личности квалифицируются по общей норме как злоупотребление служебным положением (ст.312) [21; 102]. Аналогично решается вопрос об уголовной ответственности должностных лиц, незаконно лишивших кого-либо свободы, по УК Швеции (ст.1 главы 20 «О злоупотреблении служебным положением») [22; 166–167]. УК Голландии также не устанавливает ответственность за незаконное применение мер процессуального принуждения. Но в УК этой страны есть статья, расположенная в разделе «Преступления, связанные с злоупотреблениями по службе», предусматривающая ответственность публичного служащего (должностного лица), ответственного за расследование уголовных правонарушений, за умышленное несообщение о факте незаконного лишения кого-либо свободы (ст.368) [23; 430–431].

Основываясь на подобного рода примерах, российский ученый М.А.Кауфман пришел к выводу, что в большинстве стран Европы и США специальных норм, устанавливающих ответственность за незаконное задержание, заключение под стражу и содержание под стражей, нет. «Здесь уже давно сложился правовой механизм, который позволяет привлекать к уголовной ответственности за подобные деяния по общим нормам, предусматривающим ответственность за должностные злоупотребления», — пишет автор [8; 152–153].

Представляется, что оснований для такого широкого обобщения недостаточно. Проведенный нами анализ уголовного законодательства развитых стран Европы, традиционно причисляемых к романо-германской правовой семье, позволяет заключить, что наказуемость незаконного уголовно-процессуального лишения свободы обеспечивается у них за счет выделения специальных норм о посягательствах на свободу личности среди должностных злоупотреблений. При этом принципиальное отличие позиции зарубежных законодателей от нашего заключается в том, что нормы о посягательствах на свободу личности путем злоупотребления должностными полномочиями располагаются в структурных разделах уголовных законов, посвященных должностным преступлениям. В УК РК должностные злоупотребления со стороны сотрудников правоохранительных органов и суда, как известно, предусмотрены в главе о преступлениях против правосудия и порядка исполнения наказаний.

УК Дании в параграфе 147 главы «Преступления, совершенные при осуществлении государственной функции» предусматривает целый ряд должностных злоупотреблений в сфере правосудия, в числе которых «применение любого незаконного ареста», наказуемое тюремным заключением на срок до трех лет. Параграф 148 этого законодательного акта устанавливает уголовную ответственность за умышленное или в силу грубой небрежности несоблюдение предусмотренной законом процедуры ареста, наказуемое штрафом или простым заключением под стражу. Субъектами этих преступлений, прямо указанными в законе, выступают «лица, в чьи обязанности входит применение карательной власти государства» [24; 131–132]. Таким образом, по уголовному законодательству Дании наказуемо не только незаконное применение ареста, но и нарушение процедуры применения этой меры процессуального принуждения.

В статье 345 раздела «Должностные преступные деяния» УК ФРГ объединены разнородные преступные деяния, выражающиеся в «исполнении приговора в отношении невиновного». Среди них нашего внимания заслуживает норма об ответственности за реализацию судебных решений, связанных с различными видами лишения свободы: «кто, являясь должностным лицом, которое назначено для участия в исполнении приговора, связанного с лишением свободы, либо меры исправления и безопасности*, связанной с лишением свободы, или в исполнении административного задержания, исполняет такое наказание, меру или задержание, хотя по закону они не могут быть исполнены, тот наказывается лишением свободы на срок от одного года до десяти лет, в менее тяжких случаях — на срок от трех месяцев до пяти лет». В данном преступлении наказание зависит от формы вины: «если исполнитель действует легкомысленно, то наказанием является лишение свободы на срок до одного года или денежный штраф» [25; 191]. Следует заметить, что эта норма предусматривает ответственность должностных лиц, исполняющих различные виды лишения свободы, а не применяющих их без достаточных к тому оснований.

Уголовное законодательство Испании выделяет самостоятельную группу должностных преступлений против личной свободы человека. Интересующий нас состав определен в ст.ст.530 и 531 главы 5 «О преступлениях, совершенных государственными служащими против конституционных гарантий» отдела 1 «О преступлениях, совершенных государственными служащими против личной свободы». Эти преступления совершаются только государственным служащим или должностным лицом в отношении конституционных и законных гарантий свободы личности, т.е. незаконно. Согласно статье 530 УК Испании «должностное лицо или государственный служащий, который, получив информацию о преступлении, назначит, осуществит или продлит какую-либо меру лишения свободы задержанному, заключенному или осужденному с нарушением сроков или других конституционных или законных гарантий, наказывается лишением права занимать соответствующие должности или государственный пост на срок от четырех до восьми лет». Статья 531 устанавливает ответственность за аналогичные действия, связанные с незаконным назначением или продлением изоляции задержанного, заключенного или осужденного. Незаконное назначение или продление изоляции наказывается менее сурово, чем незаконное назначение, осуществление или продление мер лишения свободы —

* Меры исправления и безопасности, связанные с лишением свободы, имеются в виду следующие: помещение в психиатрическую больницу, в лечебное заведение для алкоголиков и наркоманов, превентивное заключение.

лишение права занимать соответствующие должности или государственный пост на срок от двух до шести лет [26; 163].

Ярким примером установления специальной уголовной ответственности «лиц, осуществляющих публичные функции» за «посягательства на индивидуальную свободу», является Уголовный Кодекс Франции [27; 378–380]. В соответствии со ст.432–4 УК семью годами тюремного заключения и крупным штрафом наказывается лицо, являющееся представителем государственной власти или выполняющее задание органов государственного аппарата, находящееся при исполнении своих обязанностей или возложенного на него задания, если оно незаконно прикажет совершить акт посягательства на свободу личности. В том случае, если акт посягательства состоит в задержании или удержании в течение более чем семи дней, наказание увеличивается до тридцати лет заточения и штрафа. Принятие или удержание сотрудником пенитенциарного учреждения какого-либо лица без распоряжения, судебного постановления или приказа о заключении под стражу, составленного в соответствии с законом, или незаконное продление им срока содержания под стражей в соответствии со ст.432–6 УК Франции наказывается двумя годами тюремного заключения и штрафом.

В уголовном праве Японии, складывавшемся под значительным влиянием французской и германской правовых систем, задержание или заключение под стражу в результате злоупотребления присвоенной по должности властью выделяется как специальный вид злоупотребления присвоенной по должности властью со стороны публичного должностного лица. Статья 194 УК Японии гласит: «Если лицо, осуществляющее судебные, прокурорские или полицейские полномочия либо действующее при этом в качестве помощника, путем злоупотребления присвоенной ему по должности властью задержало какое-либо лицо или держало его под стражей, оно наказывается лишением свободы с принудительным физическим трудом или тюремным заключением на срок от шести месяцев до десяти лет». Специальные субъекты этого преступления в названии статьи обобщенно именуется «особыми публичными должностными лицами» [28; 118].

Сравнительное изучение соответствующих положений уголовного законодательства современных зарубежных стран, принадлежащих к различным правовым системам, позволяет прийти к общему выводу, что незаконное применение мер процессуального принуждения, связанных с лишением свободы, уголовно наказуемо во всех цивилизованных государствах, ориентированных на демократические ценности.

В то же время законодательные приемы (механизм) установления уголовной ответственности за это деяние могут быть различными:

- ответственность за незаконное уголовно-процессуальное лишение свободы может наступать по общей норме о преступлениях против личной свободы (Англия, Польша);
- ответственность за незаконное уголовно-процессуальное лишение свободы может предусматриваться специальной нормой в рамках общей нормы о преступлениях против личной свободы (Болгария, Грузия, Китай);
- ответственность за незаконное уголовно-процессуальное лишение свободы может наступать по общей норме о должностных преступлениях (Голландия, Швейцария, Швеция);
- ответственность за незаконное уголовно-процессуальное лишение свободы может предусматриваться специальной нормой о посягательствах на свободу личности, особо выделенной среди должностных преступлений (Германия, Дания, Испания, Франция, Япония).

По существу, последний прием правовой регламентации ответственности за незаконное уголовно-процессуальное лишение свободы присущ и уголовному законодательству большинства стран постсоветского пространства (Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Россия, Таджикистан, Узбекистан, Украина, Эстония). В уголовном праве этих стран заведомо незаконное задержание и заключение под стражу принято относить к специальным видам должностных злоупотреблений в сфере осуществления правосудия, посягающих на свободу личности, вовлеченной в уголовный процесс.

Список литературы:

1. Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). Учеб. пособие. — М.: Зерцало, 1998. — 201 с.
2. Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. — М.: Междунар. отношения, 2002. — 370 с.
3. Хан В.В. Применение мер процессуального принуждения в стадии досудебного расследования, на основе положительного опыта Англии и США // Правовая реформа в Казахстане. — 2007. — № 2 (36). — С. 28–32.

4. Ковалев Н. Заключение под стражу по решению суда в ряде Европейских стран // Юрист. — 2007. — № 7 (73). — С. 89–94.
5. Осипян Р. Проблемы правового регулирования сроков уголовно-процессуального задержания и пути их совершенствования // Юрист. — 2007. — № 8 (74). — С. 66–69.
6. Балтабаев К.Ж. Исполнение наказаний: законодательство Республики Казахстан и международные нормы. — Алматы, 1999. — 272 с.
7. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности). — М.: Юрист, 2000. — 441 с.
8. Преступления против правосудия / Под ред. А.В.Галаховой. — М.: Норма, 2005. — 416 с.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой. — М.: Зерцало, 1998. — 846 с.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Кыргызской Республики / Т.А.Асаналиев, А.Ж.Каримбеков, К.М.Осмоналиев. — Бишкек: ПК «Переpletчик», 2002. — 629 с.
11. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. — СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2002. — 338 с.
12. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. — СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2001. — 358 с.
13. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. — СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2001. — 410 с.
14. Уголовный кодекс Украины. — СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2001. — 393 с.
15. Уголовный кодекс Грузии. — СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2002. — 409 с.
16. Уголовный кодекс Эстонской Республики. — СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2001. — 262 с.
17. Уголовный кодекс Республики Польша. — СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2001. — 243 с.
18. Уголовный кодекс Республики Болгария. — СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2001. — 298 с.
19. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. — СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2001. — 303 с.
20. Лихачев В.А. Уголовное право в независимых странах Африки. — М.: Наука, 1974. — 240 с.
21. Уголовный кодекс Швейцарии. — М.: Зерцало, 2000. — 135 с.
22. Уголовный кодекс Швеции. — СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2001. — 320 с.
23. Уголовный кодекс Голландии — СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2001. — 510 с.
24. Уголовный кодекс Дании. — СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2001. — 230 с.
25. Уголовный кодекс ФРГ. — М.: Зерцало-М, 2001. — 200 с.
26. Уголовный кодекс Испании. — М.: Зерцало, 1998. — 213 с.
27. Уголовный Кодекс Франции. — СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2002. — 650 с.
28. Уголовный кодекс Японии. — СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2002. — 226 с.

УДК 342:340.135(574)

М.Ш.Какимова, Е.М.Исмагелов

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

ВИДЫ ЗАКОНОВ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

1995 ж. ҚР Конституциясына сәйкес Қазақстан Республикасында әрекет етуші нормативті-құқықтық актілер жүйесі бекітілген. Мақалада әрекет етуші заңнамаға сай нормативті-құқықтық актілер иерархиясы, заңдар түрлері, өкілеттігі, оларды қабылдау тәртібі және ғалым-заңгерлердің ғылыми қөзқарастарына талдау жасалған.

Constitution of Kazakhstan Republic (1995) is the basis of the normative acts which contains the being law system of Kazakhstan. In the article it has been defined the gender, hierarchy of all legal acts, types of rules, competences and the author made the analyses of scientists' investigations.

В Республике Казахстан впервые в правотворчестве Конституции закреплена система правовых актов, которая, с точки зрения законодателя, составляет действующее право Казахстана (п. 1 ст. 4): «Действующим правом в Республике Казахстан являются нормы Конституции, соответствующих ей законов, иных нормативных правовых актов, международных договорных и иных обязательств Республики, а также нормативных постановлений Конституционного Совета и Верховного Суда Республики» [1].

В данном определении закон концептуально рассматривается как форма права, как объективированный акт государства, его верховной власти, определяющей ряд однородных отношений, и служащий основанием для регулирования этих отношений через нормы, юридически оформленные в форме закона.